Алкогольная зависимость / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Алкогольная зависимость / рассказ АЛКОГОЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

В советское время пили все, кроме отъявленных трезвенников и язвенников. Люди непьющие, кроме насмешек и жалости, у остальной части населения нашей необъятной Родины других чувств не вызывали. Мужик пьющий, особенно крепкие напитки, считался образцом мужественности и удалости. А если спирт неразведенный глушит – то вообще герой. Лучше, чем Веня Ерофеев в своей нетленной поэме «Москва-Петушки», о той эпохе не скажешь. Алкоголь пронизал насквозь все наше советское общество. Страдали от него и в верхах, вспомните хотя бы Галину Брежневу, а в низах пили по-черному. По поводу и без повода.

Наверное, пьяным народом управлять было легче. Да и не нужно становилось ничего человеку, лишь бы было что выпить и чем закусить.

Мое первое знакомство с алкоголем состоялось по тем временам довольно поздно – в восьмом классе. Остальной народ в школе уже имел определенный опыт в этой области. Одноклассники были, в основном, из рабочих семей, а в них мужики были все пьющие. И детишки по праздникам тоже «употребляли».

Я перешел в 61-ю школу в шестом классе. До этого я учился в 9-той школе и жил недалеко от нее. А потом родители получили другую квартиру, и мы переехали. Дети из моего старого двора любили читать. Мы вместе ходили в детскую библиотеку, набирали книг. Причем, их давали только на неделю, и библиотекарь строго спрашивала, успели ли мы прочесть взятую литературу. Мы успевали.

Я любил фантастику. Читал запоем, проглатывая книгу за книгой. Старший брат моей мамы дядя Коля хранил подшивки журналов «Знания – сила», «Техника – молодежи», «Вокруг света» за многие годы. Я выскивал там фантастические рассказы и поглощал их.

В новой школе в первый же день моего появления в классе ко мне подошли два подростка. Один был худой и длинный, с горбинкой на носу, второй коренастый, повыше меня на голову. Первый был Володя Шестопалов, другой Сергей Фадин. Впоследствии оба стали моими друзьями, с которыми я встречаюсь и по сей день. А тогда Володя, нависнув надо мной, грозно спросил: «Фантастику читаешь?» Я ответил утвердительно, перечислив знакомых мне авторов – Уэллса, Казанцева, Ефремова, Беляева, Адамова и прочих писателей, чьи произведения будоражили наши детские умы.

Володя вытащил из портфеля огромный том, страниц в 600. Это были «Звездоплыватели» Мартынова. Три повести со сквозным сюжетом в одном фолианте. Видя, как загорелись мои глаза, Володя царственным жестом протянул мне книгу: «На, читай! – и добавил: – Сидеть будешь за моей партией».

Наутро я вернул книгу товарищу. Тот недоуменно вскинул на меня глаза: «Что, не понравилось?! Не стал читать?» – «Да, понравилось, – отвечаю, – даже очень. Чуть не всю ночь читал». Заметив недоверчивый взгляд, я тут же стал пересказывать сюжет. Память у меня была хорошая. Много позже, уже после института, я выписывал журнал «Уральский следопыт», там много фантастики печаталось. Там, в журнале проводились викторины – рассказ составлялся из отрывков фантастических рассказов и повестей отечественных и зарубежных авторов. Мне было достаточно один раз прочитать текст викторины, и я тут же догадывался, из каких произведений взят тот или иной отрывок. Все, что тогда печаталось в жанре фантастики, я знал чуть ни наизусть.

Володя стал моим лучшим другом. Мы вместе читали книги, ходили

в горы, производили дымный порох и пускали ракеты, забравшись на крышу дома, наблюдали звезды.

И вот в восьмом классе на выпускном вечере Шестопалов говорит мне: «Смотри, весь народ уже гуляет, а мы с тобой трезвые. Пошли вино купим». И, действительно, остальная часть мужского состава, а может быть и женского, уже была навеселе, и вечер в школе был в разгаре. Бутылка вина была куплена и немедленно выпита. И хотя алкоголь не принес мне никакого удовольствия, мы с Шестопалом, как Володя звался между товарищами, перестали чувствовать себя изгоями.

Вот это чувство товарищеского локтя, коллективного пьянства, которое сближает и делает разъединенных людей близкими по духу товарищами, было очень сильно в Советском Союзе.

Где бы потом я ни был, в каком коллективе ни работал, ни учился, везде алкоголь был объединяющим. Существовала даже такая поговорка: «Я с тобою – не пил», то есть если пил, то мы уже вроде как братья друг другу. И мысль, что кто-то может подвести, после совместной пьянки, считалась вообще противной человеческой сущности.

Студенческая жизнь без удалого загула в сознании советского студента была недопустима. Ведь лучшее время – это институт. А дальше работа, семья, будни, которые – «праздники для нас». Хоть будет, что вспомнить. Ну и гуляли. Дни рождения, праздники, потом пошли студенческие свадьбы, потом просто «красные четверги», когда играли в преферанс. А параллельно шла другая жизнь – альпинизм, восхождения, романтика суровой жизни в горах. И, конечно, алкоголь. Водка, а потом и спирт неразведенный. Как же, мужественный человек должен пить крепкие напитки!

И однажды, на восхождении, когда мы шли на пик Бокса по маршруту 4а категории сложности, после пройденных обледенелых скал, я поднимался по крутому снежному кулуару. Я устал. Мы шли тяжело, и день заканчивался. Последние лучи заходящего

солнца мы увидели уже на вершине ледового купола, венчающего вершину пика. А в кулуаре внезапно пришло незнакомое чувство. Я захотел выпить водки. Было холодно, подъем отнял много сил. А предстояло еще выйти на вершину. И спускаться по гребню в сторону перемычки, и далее на ледник Ак-Сай и по нему к стоянке Рацека уже в полной темноте. Все это потребует напряжения сил и работы. А я представил себе, что нахожусь внизу, в комфортной обстановке и по жилам разливается тепло от выпитого алкоголя. Ощущение было такое явственное, что испугало меня. Я подумал, что впервые захотел принять алкоголь. До этого было только чувство солидарности и общности компании.

Были потери близко знакомых людей. В горах не надежен ни камень, ни лед, ни скала... Бывали поминки с обильными возлияниями. Сначала проникновенные речи, потом пьяные слезы, потом гитара по кругу, а дальше уже не поймешь, то ли праздник какой справляем, то ли просто друзья встретились. А что? Жизнь должна продолжаться! Мы не должны унывать да печалиться. Завтра и мы там будем!

После института попал на производство – там все пили. А чем еще в жизни заниматься? То новенький поступит на работу, то новоселье – повод всегда найдется. Как в анекдоте. Мужик привязал муху за лапку и то отпустит ее, то назад притянет. И пьет то за отлет, то за прилет. Без повода-то пьянка получается.

Сначала все чинно начинается. Закусочка, кто что с дому притащит, бутылочку разливают. Правда, минимум по полстакана родимой. А кто и по стакану, чтобы сразу дошло. Я раз видел в маршрутке, как на глазах пьянел человек. Стояли вместе на остановке. Он прямо из горлышка бутылку выхлебал и бегом в бусик. Мужик тот, за полминуты, из трезвого в абсолютно пьяного превратился.

Сидишь за столом в мужской компании. Разлили по первой. Выпили. Водки, а еще лучше, спиртика. Так, о чем-то друг с

другом говорят. Потом, бац! У всех в жилах и головах зашумело, теплота и блаженство разлились по лицам. Черты расправились. Алкоголь по крови побежал! Вот тут-то и пошел разговор. Вот тут-то и становятся все люди братьями. Можно сказать родными. И друга в беде не бросят, до дома на плечах донесут, если сам идти уже не может.

Как всегда, кому-то мало покажется спиртного, гонца в магазин пошлют. А там строго – водку с 11-00 до 20-00, а после ни-ни. И пошли по квартирам знакомых. «У тебя в холодильничке не стоит ли?» – «Да если б стояла!» Хотя были и малопьющие товарищи, которые, бывало, выручали. Помогали дойти до кондиции. Когда уже не лезло.

Некоторые из друзей, предвидя вечную нехватку спиртного, запасали водку в достаточном количестве.

Мы жили с женой после окончания института в Токмаке. Я тогда работал на прядильной фабрике в электроцехе мастером. Фабрика стояла далеко от города на пустынном поле. Вот в это поле размы и вышли с друзьями отметить день рождения одного из них. У нас это место называлось «Кафе Ветерок». Заботливый товарищ нагнал трехлитровую банку 60-градусного самогону, и пикник протекал без лишней суеты и без посылки гонца. Но в тот момент, когда «веселие дошло до точки» и надо было расходиться, все с трудом встали и начали расходиться. Причем в абсолютно разные стороны! Хорошо, что нашелся, как это бывает в любой пьющей компании, «непьянеющий» товарищ, который всех согнал в один гурт и повел в город.

Ну ладно, у нас в Токмаке половину населения составляли бывшие зеки и поселенцы. Но вернулся я через четыре года в столицу – тогда город Фрунзе. Попал в проектное бюро Всесоюзного института легкой промышленности. Большая часть сотрудников – женщины. Как мы с ними праздники встречали?! С песнями, танцами, шашлыками и пловами, водка рекой лилась.

Наутро мужики собирались на работе, мрачные с похмелья,

женщины суетились и по стаканчику «для здоровья» соображали.

Я уже рассказывал об экспедиции с англичанами по пещерам Киргизии и Туркмении. Когда они прощались с нами, их руководитель Джо так сказал: «Перед поездкой в Союз нас предупреждали, что водка много значит для советского человека. Но мы и вообразить себе не могли, насколько она важна для вас!» Конечно, они нальют себе стопочку и ходят с ней весь вечер, пригубляют. Был, правда, среди них один валлиец Артур, которого называли моим двойником, хотя наша схожесть ограничивалась только одинаковым ростом и взлохмаченными бородой и шевелюрой. Он тоже не прочь был выпить, но и Артур отказывался пить местный самогон, вопя, что это керосин!

Уже будучи в Южном Уэльсе, через год, мы с Артуром шли, обнявшись по какой-то деревеньке. Она была расположена на холмах, дело было темной ночью. Мы были изрядно навеселе. Оба пели песни, причем Артур на валлийском, а я на русском. И что удивительно, понимали друг друга без переводчика. Вот что значит водка в сближении наций!

И каждый раз после веселого вечера наступало тяжелое похмелье. И я говорил себе: «Это в последний раз!» Потому что вчерашнее веселье наутро уже казалось «добровольным помешательством». Было ужасно стыдно за свою беспомощность. Я не в силах был отказаться от друзей, от компаний. Общественное мнение строго осуждает непьющих.

Зачастили прогулы работы из-за мерзкого состояния в дни похмелья. Организм, как мог, сопротивлялся отравлению. Но алкоголизм – это наркомания. Человеку выйти из-под власти алкоголя очень тяжело. Он может держаться и не пить год, другой. Но как только начинает пить, алкоголь с такой зверской силой набрасывается на него, будто пытается наверстать упущенное. Человек уходит в тяжелые запои, из которых выходить становится все тяжелее и тяжелее. Он быстро сгорает в алкогольной горячке.

Эта болезнь, как и любая наркомания, не осознаётся человеком. Он всегда говорит, что в любую минуту может бросить пить. И бросает. Каждую неделю и каждый месяц. Человечество, к сожалению, не знает лекарства против алкогольной зависимости. Эта болезнь не лечится. Можно только перестать пить. Но и это очень сложно. Все общество настроено на потребление спиртных напитков. Человек непьющий чувствует себя изгоем.

Представьте себе: человек всеми силами души пытается бросить пить. У него двое сыновей, которых надо ставить на ноги. Жена заставляет его лечиться от алкоголизма. У него есть работа, машина, квартира, в которой есть все для нормальной жизни. Но его жизненный круг не дает ему шанса что-либо изменить.

На заре моей предпринимательской деятельности в «Раритете» работало всего 6-7 человек. Почти каждое воскресенье мы выезжали на природу. Зимой катались на лыжах, летом купались на Иссык-Куле, ходили в горы, ездили за грибами. Жили единой семьей.

Естественно, встречали вместе все праздники. Пили все – и мужики и женщины. Но наш водитель Саша Елецкий пил по-черному. До тех пор, пока у него не начинались галлюцинации и навязчивый страх смерти. Тогда жена Лена везла его в больницу. На очередной курс лечения.

И в то же время сама Лена любила веселые шумные компании. Любила застолье, танцы. Дома у них постоянно собирались знакомые и родственники. И после второй-третьей рюмки кто-нибудь обязательно начинал подшучивать над Сашей. Мол, что за мужик, выпить не может. Саша зверел и терпел поначалу. Потом срывался и пытался доказать, что он тоже мужчина. Пока однажды, уйдя в глубокий запой, уже не вернулся. Много позже я встретился с Леной. Она совершенно опустилась и спилась.

Удивительно, что в таких неблагополучных семьях, где рок наследственности висит над потомками, дети успешно заканчивают институты и находят свое место под солнцем.

Например, моя соседка по многоэтажке пила безбожно. Муж по пьянке вывалился с балкона третьего этажа и разбился насмерть. Сама она встретила смерть, валяясь в беспомощности в канаве. Но три дочери, помогая друг другу, сумели получить образование и найти свой путь в жизни. И, наоборот, с виду благополучные семьи иногда не могут похвастаться своими отпрысками. Видимо, наличие денег не заменяет хорошего воспитания.

Был у меня один давний знакомый Вячеслав Алексеев. В советское время мы с ним встречались на книжных базарах. Это были полуподпольные рынки дефицитной литературы. А в то время практически любая мало-мальски стоящая книга была дефицитом. С этих книжных базаров вышли потом все руководители ныне существующих книжных фирм в Бишкеке. А тогда их разгоняла милиция. Были и пострадавшие. Среди них оказался и Славик Алексеев. Довелось ему отсидеть срок за детскую книжицу, проданную кому-то не тому за три или пять рублей. Тогда этого делать было нельзя. Эта деятельность называлась спекуляцией. На самом деле Славик смог создать целую книготорговую сеть, в которую попал не только Фрунзе, но и Кишинев, Москва и другие города. Какие-то книги шли от нас, какие-то от них. В городе Славика знали во многих ресторанах, парикмахерских, авторемонтных мастерских и прочих местах, где люди без отрыва от основного производства имели те книги, которые хотели. Им приносил их Славик. И все люди благодарны были этому офене. Он делал то, что мы пытаемся создать сейчас.

Второй раз пострадал Алексеев по пути в Алма-Ату. Он с товарищем ехал к соседям казахам посетить их книжный рынок. Машина попала в аварию и Славик сломал ногу. Одна нога его стала короче, и с тех пор он хромал.

Когда у меня родилась дочь, мы со Славиком отметили это знаменательное событие, переходя из бара в бар. Как Хемингуэй и Фицджеральд. Закончили мы свой вояж у другого моего знакомого, у которого частенько я оставался ночевать в беседке посреди сада.

Много лет спустя я вновь встретил Славика. Я уже создал «Раритет» и делал свои первые успехи на книжном рынке. Алексеев тоже пытался выжить в новых условиях. Он работал на трикотажной фабрике. Оказалось, что Алексеев не только не пьет, но и возглавляет общество анонимных алкоголиков в Бишкеке. Я порадовался за него, так как на себе уже испытал радости трезвой жизни.

Мы вместе ходили с ним в бассейн, это он меня вытащил в него. Ходили в сауну. Славик помогал, как мог, продавать наши книги. Ездил в Польшу стажироваться по делам алкоголиков. Мы вели с ним беседы о здоровом образе жизни. Так прошло пять или шесть лет. Потом Алексеев пропал из моего поля зрения. Я особенно не волновался. И раньше бывали перерывы в нашем общении. Я крутился в своем беличьем колесе бизнеса, и тут как обухом по голове – Славик умер! Сорвался в страшный запой и выпрыгнул из окна запертой сыном квартиры на втором этаже. Сыну хотелось спасти отца, а тот пытался добраться до заветного глотка родимой водки.

Алкоголизм сидит внутри человека и точит когти. Малейший промах, и он вырывается наружу и мертвой хваткой вцепляется в сердце.

В компьютерных микросхемах есть такие ячейки памяти, в которые можно записывать информацию, хранить и стирать. А есть такие, в которых информация прожигает определенные дорожки и записывается навсегда. Вот так и алкоголь при каждом употреблении прожигает в мозгу человека какие-то дорожки и записывается навсегда. И человек медленно «записывает» историю своей болезни. Не обязательно он станет запойным алкоголиком. Но записанную информацию на генном уровне он передаст своим потомкам, и они допишут историю болезни до конца. Возврата в этой дороге нет, только путь вперед к смерти.

Мне порой кажется, что наркотики, в том числе алкоголь – это как кара за доступ к прямому наслаждению. Человек выключается из общества. Он становится балластом для эволюции. Включаются

механизмы «сжигания» ненужного элемента. Разум человека попадает в зависимость от употребления каких-то веществ, которые, подобно пламени, пожирают его и уничтожают. В рекордно короткие сроки, заставляя принимать все увеличивающиеся дозы наркотика.

Мне пришлось на себе испытать, что такое алкоголизм. Я видел пасть зверя, сидящего во мне. Я помню бессонные ночи, когда натянутые нервы готовы лопнуть от напряжения, а в голове звучит хор несмолкающих голосов. Когда короткий провал в беспамятство, заменяющее сон, прерывается резкой судорогой, сотрясающей все тело. Когда от волнения судорожно подергивается голова.

В 1992 году я открыл свою фирму, а к концу 1994 я уже знал, что долго не проживу. Появившаяся от бизнеса прибыль сняла извечную проблему русского мужика, на что купить бутылку. Алкоголь уже мешал вести начатое дело. Я срывал встречи, попадал в нелепые и неловкие ситуации, начала подводить память. Разлады в семье стали обычным делом. Так продолжаться дальше не могло. И я решился на лечение.

Врач-нарколог Нелля Хасановна долго уговаривала меня справиться с болезнью своими силами. Но я твердо был убежден, что это было невозможно. Я столько раз решал бросить пить, держался какое-то время, но в определенный момент что-то внутри меня щелкало и доводы рассудка исчезали напрочь из сознания. Организм требовал алкогольной подпитки. Я становился раздражительным, нервным, пока не находил повода выпить.

Нелля Хасановна предлагала повременить с процедурой – был канун Нового года. Мол, встретишь праздник, как полагается, в компании, а потом уже, если надумаешь, придешь. Но я был тверд в своем решении.

И вот я лежу на кушетке под огромной картиной, чуть не во все стену, с широким белым резным багетом. Медсестра вводит какой-то препарат мне в вену. По расчетам врача введенной дозы

должно было хватить для воздействия на меня. Но я не чувствую ничего необычного. Хотя врач предупреждала о возможных изменениях сознания. Медсестра продолжает вводить все новые и новые кубики в вену.

И вдруг словно задул сильнейший ураган внутри меня, разваливая мое «Я» на части и унося в разные стороны. Ощущение тела полностью исчезло, осталась только искорка сознания, парившая в неизведанной пустоте. Сквозь расширившиеся неуправляемые зрачки, полупарализованный мозг механически воспринимал какое-то пространство с уходящей в бесконечность светлой дорогой. Видение было размытым и нечетким, будто в разрегулированном оптическом приборе.

И тут раздался голос, идущий прямо с неба. Он что-то говорил и говорил. Слова заполнили все пространство. Они с трудом фиксировались тусклым сознанием, не улавливающим их смысла. Видимо, это была смерть. И моя воспарившая над телом душа разговаривала с Богом?

Сонный разум, наконец, различил слова: «Тебе будет отвратителен запах спирта», и рецепторы донесли до него какой-то резкий запах. В сознании всплыло – это же Нелля Хасановна! А голос продолжал монотонно вещать: «Ты будешь весел и красноречив. Тебя с удовольствием будут слушать люди. Ты будешь находить нужные слова и привлекать к себе внимание». Мой мозг программировался и настраивался, как испорченный аппарат.

Потом прозвучали заключительные слова: «Наша машина (в самом начале голос с неба предупредил, что поедет со мной на машине) приближается к финишу. Стоп!» И я очнулся от гипнотического состояния.

Белая дорога оказалась багетом картины, под которой я лежал. Рядом сидела Нелля Хасановна, моя вторая мама, извлекающая меня из мрака небытия и моей прежней жизни к новой, неведомой.

Я с трудом приходил в себя и еле двигался. Действие

наркотического препарата еще давало себя знать. Было ощущение, что я побывал за пределами жизни и ощутил дыхание смерти.

Нелля Хасановна простилась со мной, пообещав, по первому моему желанию, снять кодировку. «Вы же понимаете, что вам придется изменить образ жизни, круг общения, – сказала она. – Это очень тяжело. Препарат действует в течение года. Если вы не привыкнете вести трезвый образ жизни, ничего не получится. Должно быть ваше сильное желание!»

Прошло уже 12 лет с того памятного возрождения к жизни. Так получилось, что принять тогда решение помог мне тот же Шестопалов. Он пришел ко мне на работу. И мне было стыдно обнаружить себя перед давним другом полной развалиной. Другой мой друг, так же вернувшийся к полноценной жизни, Слава Мирошкин, или попросту Мирон, с которым мы лазали **по пещерам Туркмении** и Киргизии, показал мне путь к Нелле Хасановне.

С возрождением пришли успехи в работе. Я любил книги, любил людей. Я научился зажигать их своей речью. А может быть, это Нелля Хасановна так изменила мой разум? И мне становится страшно: если так просто программируется сознание человека, то что еще можно ему внушить? Какие чувства? Сделать из человека машину-убийцу?

За это время я потерял много друзей. Большинство уехали из страны – злой мачехи и нашли себе приют в разных уголках нашей, не такой уж и большой планеты. Кто-то вышел из моего круга общения и интересов – мне не нужны посиделки в компаниях и пьяные разговоры. А кто-то вообще ушел из жизни. И, в основном, виною был алкоголизм.

Жизнь дарит мне все новые и новые пути. Я путешествую по Киргизии и открываю для себя ту землю, на которой родился. Я познаю мир, путешествую по свету. Я издаю книги и фотографирую. Я знакомлю людей со страной, в которой они живут. Я люблю все, что я делаю.

Одного старика спросили, почему он сидит целый день с удочкой,

ведь он не поймал ни одной рыбы. Старик ответил, что не для этого он проводит весь день на реке. «Ты, наверное, думаешь о чем-нибудь или вспоминаешь о прошлой жизни?» – «Нет, – ответил старик, – я просто сижу».

Мне кажется, что смысл жизни очень прост, не надо его усложнять. Просто надо жить. Чувствовать ее течение, проживать каждое мгновение этого Божественного дара. Делать то, что доставляет удовольствие тебе и нужно людям. А самое большое удовольствие – творчество. Создавать Прекрасное и доставлять людям радость. Хотя бы маленькую, например, радость от приятной покупки нужной книги.

Наверное, удовольствие от выкуренной сигареты или от выпитого бокала вина нужно человечеству. Так же, как палочка сочного шашлыка или кусочек вкусного торта. Все зависит от количества. Ожирение тоже бич современного человека. Но я считаю, что это игра с огнем. Каждая очередная рюмка – это шаг по дороге в один конец. Могут возразить, мол, все там будем, причина любой смерти – жизнь. Я могу ответить: качество жизни у всех разное. Кто-то всем недоволен и ищет разрешение всех проблем в алкоголе. И находит новые проблемы. И люди от него отворачиваются. Другие же открывают все новые и новые прелести жизни, и к ним устремляются люди. Все зависит от человека и его желания.

Однажды я предложил своему двоюродному брату не пить в выходной день. И он согласился, ради эксперимента. Потом он долго корил меня. Ему целый день нечем было заняться, и он решил исправить постоянно текущий бачок унитаза. Неаккуратно поставленная крышка бачка упала при неосторожном движении и разбила унитаз. «А если бы я с утра выпил, – запальчиво выговаривал мне брат, – то не полез бы ремонтировать!» Пьяному человеку ничего не надо, кроме очередной дозы.

Меня возмущает реклама алкогольных напитков и сигарет, в которых их потребление пытаются превратить в синоним мужественности и крутизны. Жизнь сурова и не прощает обмана.

Рано или поздно она настигает людей, пытающихся на лжи сделать деньги. И в то же время, она очень проста и понятна тем, кто живет ради нее самой. Награду за понимание этого закона человек получает каждый день, просыпаясь на рассвете и встречая с улыбкой новый день. Он сулит новые возможности и новые встречи. И новую радость общения со своими знакомыми и близкими. Человек живет ради людей, которые его окружают. И счастье, если они отвечают ему тем же. Neкаýalar